

Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна
Харківське міське товариство “Філософська освіта”
Національний університет внутрішніх справ

ФІЛОСОФСЬКА СПАДЩИНА
Г. С. СКОВОРОДИ І СУЧАСНІСТЬ

Матеріали ІХ Харківських міжнародних
Сковородинівських читань
(до 280-річчя Г. С. Сковороди)
м. Харків, 27-28 вересня 2002 року

Харків
2002

В. Н. КАЛЮЖНЫЙ
(Харьков)

ДИСКУРС: ФИЛОСОФСКИЙ И ДРУГИЕ

В философской проблематике не последнее место занимают вопросы языка, речи, литературы. Но важнее то, что природа философствования тесно связана со спецификой его дискурса. Философское богатство аккумулировано в текстах. И даже вещающий вслух не прочь, чтобы зафиксировали его бессмертную речь.

Традиционно философию рассматривают как мышление. Последнее можно понимать как оперирование мыслями по логическим правилам. Философствование же разворачивается преимущественно в текстовом поле. Письмо затмевает раз-

мышление. Биение мысли уступает место языковым ходам, риторическим стратегиям. Работа над словом роднит философию с литературой. В отличие от ученого, решающего проблему, философ высказывается по теме. У философа за мыслью следует не дело, а слова, слова, слова...

Философское чтиво занимает почетное место в книжной сокровищнице. В чем же притягательность философского текста? Несет он информацию или удовольствие, наделяет знанием или мудростью? По каждой из перечисленных позиций философия вступает в борьбу с конкурентами. Чистые чувства будит высокохудожественная литература; подогревает страсти литература массовая. Знания дает наука; сведения несут средства массовой информации. Лукаво мудрствует эзотерика; повседневной жизнью правит народная мудрость. Так где же сокрыта ниша философии?

Прежде чем окунуться в глубины мудрости, читатель сталкивается с особостью философского арга. Философский язык тяготеет к естественному языку, со всеми его выразительными возможностями. В то же время он перегружен специальной терминологией. Сродный языку Богов, он не по зубам простым смертным. Даже писатели разных школ и направлений (в рамках национальной определенности) пользуются различными модификациями одного и того же литературного языка. Однако не существует никакого эталонного философского языка, вариантами которого будут идиолекты отдельных мыслителей. Последние оказываются принципиально непереводаемыми как между собой, так и на язык здравого смысла.

Прежде чем анализировать *философский язык*, следует уточнить, что такое *язык* вообще. Термин “язык” не является жестко закрепленным. Образы, модели, теории языка существенно разнятся.

Долгое время существовало воззрение на язык как на дух, да и метода во многом была спиритуалистической. Подобному суждению противостоит точка зрения на язык как нечто вспомогательное, инструмент, средство. Возможен и взгляд на язык, как на организм, подкрепляемый наблюдениями за отмиранием одних и возникновением других средств выражения. В какой мере подобные метафоры приложимы к философскому языку? Его

пространство весьма гетерогенно. Философская фауна богата ископаемыми монстрами и нынешними мутантами. В философских купцах можно встретить как ссохшуюся схоластику, так и дикорастущую диалектику. В философии доминирует не дух народа, а душок элитарности.

В представлениях о языке сталкиваются образы хаоса и космоса. Однако именно наличие закономерностей обеспечивает, в конечном счете, овладение языком и взаимопонимание. Язык выполняет свою функцию благодаря тому, что значения слов остаются стабильными. Если бы правила игры постоянно изменялись, то приспособиться к ним было бы невозможно.

В начале XX века выработался взгляд на язык как на систему (структуру). Структура – идеальна, она существует в другом мире по сравнению с непосредственной реальностью. Она не дана прямо, а выявляема с помощью анализа. Для структурного подхода существенна оппозиция *Язык – Речь*. При этом язык мыслится как статическое начало, а речь как динамическая развертывание. Текст можно воспринимать как возврат к статике, но на более высоком уровне. В конечном счете, мы имеем дело с триадой: язык, дискурс (речь), текст.

Во второй половине XX века возникла игровая теория языка. Конфронтации концепций не возникает: языку – структурное, речи – игровое. Философия воплощает в себе игровое (и даже драматическое) начало. Она во многом является лицедейством мысли. Но игра должна вестись по надлежащим правилам. Соблазн их нарушить слишком велик. В философии “фоллят” особенно часто.

В большинстве типов дискурса слово подчинено предмету разговора; в философии же речь обретает самостоятельность, отрывается от земли. Обыденное мышление имеет дело преимущественно с вещами, наука – с понятиями и моделями, литература – с образами. Но что является объектом философского дискурса? Это достаточно расплывчатое образование, называемое иногда мыслеобразом. Под пером философа предметы обыденного мира теряют привычные очертания. Тяга к умозрению приводит к потере почвы под ногами.

Веками философы ломают голову, что есть *время, бытие, сознание, деконструкция*? Но что собственно стоит за этими их

спекулятивными вопрошаниями? Почему все математики одинаково понимают, что такое *треугольник*, а философы *дух* понимают по-разному?

Язык начинается с лексики; слова обладают **значением**. Значение – это некоторый инвариант, общий знаменатель. Но какое исчисление приводит нас к обладанию значениями?

Существует два принципиально различных воззрения на эту проблему. Согласно первому, значения образуют идеальный (платоновский) мир. Они установлены от века (или от Бога). Но у кого ключи в этот идеальный мир смыслов? Не получится ли, что он открыт только касте избранных? Не понадобится ли для этого особый метаязык?

Согласно другому подходу (ассоциируемому с поздним Витгенштейном), значение определяется употреблением. Референция естественного языка детерминруется жизненной практикой. Подразумевается усредненное (узуальное) употребление. Изучать можно только регулярное; закономерность возникает только при достаточно широкой выборке. Разумеется, в разных слоях – живой речи, писательских языках, научном дискурсе – значения одной и той же лексемы могут варьироваться, подвергаться семантическим сдвигам. В рамках этого подхода язык философии определяется философскими текстами. Значение философы – это ее значение в философском тексте (отдельного автора, произведения). Но, к сожалению, даже в рамках одного произведения разброс значений слишком велик. Философским сингулярностям грозит изоляция.

Языковые игры – не единственное, чему предается человек. Языковая деятельность – лишь часть деятельности вообще. Важно не только правильно называть предмет, но и эффективно обращаться с ним. Соответствующие знания накапливаются и транслируются поколениями. В свою очередь это порождает новые тексты с именем того же предмета. Инвариантность объекта обеспечивает константность семантики. Иное в философии, когда возникновение нового текста с тем же термином может существенно трансформировать его значение.

Наблюдаемое в естественном языке изменение значений можно уподобить природному смещению русел рек. В философии же и авангардных жанрах литературы наблюдается волон-

таристическое вмешательство в смысловой порядок, перекраивание семантических границ. В обеих сферах процветает словотворчество, ощущается зуд по неологизмам.

Исходя из детерминированности значения практикой, не просто понять, откуда можно получить представление о таких вещах как *дух*, *вечность*, *Бог*? По этим вопросам в лучшем случае возможно не знание, а мнение. Нужно считаться и с возможностью признания философского термина бессмысленным.

Таким образом, в проблеме значения сталкиваются максималистский и минималистский подходы. Согласно первому, значение совпадает с сущностью, подлинным знанием об объекте. Согласно второму, значение слова – не более чем указание на объект. В научном плане речь может идти об описании **семантики** слова либо в естественном языке в целом, либо в той или иной дисциплине, теории, в языке конкретного автора или произведения.

Философская лексика ограничивается преимущественно существительными. Однако с помощью грамматических трансформаций (дериваций) можно переходить от имен к предикатам и далее к именам второго порядка: *дух* → *духовный* → *духовность* → *одухотворенность*; *бытие* → *бытийный* → *бытийствовать* → *бытийствование*. Разумеется, многие подобные поделки повисают в воздухе, не получая содержательного наполнения. Так, весьма загадочно выглядят излюбленные наречия Бахтина *ценностно*, *хронотопично*.

Остановимся на одной **синтаксической** проблеме. Важная роль в логике и лингвистике принадлежит предложениям тождества (Туллий – это Цицерон; Утренняя звезда – не что иное, как Вечерняя звезда; Зеленушки – это то же, что и чернушки). Но как истолковывать предложения следующего типа, в избитии встречающиеся, например, у Бердяева: Свобода есть творчество; Творчество – это дух; Дух – это свобода? Понятно, что отождествления это образные; но путь к их демегафоризации не ясен.

Языку свойственны многообразные **функции**. Но у философского языка они реализуются не так, как у естественного. При всей своей солидности философский текст малоинформативен. Отчасти это связано с тем, что *референтная функция* фило-

софского языка рассогласованна с таковой для естественного языка. Тяжеловесность не позволяет использовать его и для *фатического* общения.

Когнитивная функция философского языка оставляет желать лучшего. Философское знание – особое. Из философских законов не выведешь ни закона Ома, ни правил уличного движения.

Философский язык весьма *эмоционален*, особенно в своей критической ипостаси. В какой-то мере ему присуща и *поэтическая функция* в смысле Р. Якобсона, т. е. сосредоточенность на сообщении ради него самого. Философские произведения испытывают тяготение к литературным формам – исповедальному, эпистолярному жанрам. Воображение существенно не только в литературе, но и в философии. Удовольствие от философского текста вполне допустимо. Учитывая архаические корни философии, у ее языка можно обнаружить *магическую (заклинательную)* функцию. Пример: “Учение Маркса всесильно, потому что оно верно”.

Философский дискурс разделяет амбиции самой философии на особое место под солнцем. Неудивительно, что язык метафизики стремится быть метаязыком. Но *метаязыковость* философского языка может проявляться двояко: как онтологический приоритет и как средство описания естественного языка. Заметим, что в художественной литературе метаязыковая функция опускается до уровня приема.

Особого разговора заслуживает *коммуникативная функция* языка. Философский текст весьма индивидуализирован. Каждый **автор** порождает свой идиолект, проблематизирующий понимание и общение. Отношение автор – читатель специфично. Философ обращается ко всему миру и редко к кому в отдельности. Ему не к лицу обращаться с читателем запанибрата, как это допустимо в литературе. Образ **адресата** амбивалентен. Среди потребителей философской продукции – как любители, так и профессионалы. Для сравнения заметим, что научные тексты адресованы специалистам, художественные – любителям. Философские тексты листают собратья по философскому разуму, представители смежных специальностей, рядовые любители мудрости. Каковы модусы отношения к философскому тексту?

Для преподавателя философии важно донести до пугливой/индифферентной молодежи главные мысли автора и наиболее яркие/одиозные факты его биографии. Начинающий исследователь берет на вооружение эффектные сентенции маститого автора. Историки философии следят за эволюцией взглядов. Критики ищут самые слабые места. Все перечисленные цели не предполагают глубокого анализа.

Философский текст имеет установку на приятие. Это текст влияющий, и, если угодно, насилующий. Основная его модальность – убеждающая, риторическая. Тем самым, казалось бы, весьма отвлеченный текст имеет жесткую **прагматическую** установку. В качестве средства воздействия может выступать повышенная суггестивность. Зато доказательность и логичность не относятся к числу обязательных для философии средств.

К сожалению, судьба многих философских сочинений – быть разобранными на цитаты. Этому способствует афористичность многих мыслителей. По большому счету цитирование – форма существования культуры. Но вычленение цитаты чревато. Ставя себя выше текста, цитата отрывается от прародины, и начинает гулять сама по себе. Суждения *Я знаю, что ничего не знаю; Я мыслю, следовательно существую* превращаются в интеллектуальный ширпотреб. Но существует и противоположная опасность – растворение в цитатах подготовляемого текста.

Возможен ли философский *диалог* (речь не идет о литературной форме)? Потребность в диалоге возникает там, где царит мнение, а не знания. Задача диалога – договариваться, корректировать, сближать позиции. Диалогу не бывать там, где не хотят поступаться принципами. Философ же стремится не договаривать, а утверждать собственную точку зрения. Диалог мудрецов часто напоминает беседу глухих и слепых. В условиях невозможности диалога остается монолог, чреватый непониманием и безответностью.

Рассмотрим основные **типы дискурса** (типы языковых построений, функциональные стили): обыденный, литературно-художественный, научный, философский. Определенным образом они коррелируют с функциями языка. Из сказанного выше явствует, что философский дискурс не подходит для повседневного общения. Подчеркнем, что в случае нормального общения (по

Г. П. Грайсу) для говорящего важна ответственность за свои слова. Философствующий же действует на свой страх и риск.

Все тексты в принципе можно разбить на два класса: имеющие поползновение на безусловность, непреложность, окончательность и без таковой претензии.

Философский и научный подход роднит притязание на истинность. Соответствующий текст в какой-то мере родственен детективу. Разыскание истины никогда не бывает простым, прямолинейным. В нем присутствует накал и драматизм. Но рассказ об этом событии может быть построен в виде отчета, доклада, в результате чего интрига будет редуцирована.

К истине устремляются с различных направлений. Если в науке установлены жесткие процедуры верификации, доказательства, то философия в большей степени доверяет уму зрению, чем критериям истины. В науке существует тенденция к четкому определению терминов, их жесткой связи с реальностью. Научное сообщение не имеет персонального адресата. Ученый обращается, прежде всего, к “невидимому колледжу”, собратьям по цеху. Но научная коммуникация абсолютно бесстрашна.

Научный текст построен по достаточно строгим канонам. Каждое положение обязано вытекать из предыдущих, основания должны быть выверены, а не взяты на веру. Автор как бы отходит в тень, за него говорит сама природа. Научные статьи не пишутся, а оформляются; работа происходит не над текстом, а над проблемой. Научный текст не оказывает на читателя психологического прессинга. Важна не маститость ученого, а непреложность научного результата. Текст играет в науке сугубо подчиненную роль. Для ученого предпочтительнее провести опыт на глазах коллег, явно продемонстрировать результаты своих изысканий, чем писать отчеты. В этом плане отсутствует установка на язык, на выразительность. Радость в науке никак не связана с удовольствием от текста.

Математика, в отличие от естественных наук, слабо связана с действительностью. Математический мир идеален, но любая математическая абстракция мотивированна, допускает оперирование с ней. Математические понятия дефинируются абсолютно строго. Всякое неявное определение требует обоснования существования своего предмета. Логическую строгость в мате-

математике воплощает требование непротиворечивости. Математические тексты устроены довольно однообразно – в них чередуются утверждения (ограничивающиеся, как правило, несколькими строками) и доказательства (способные занимать целые тома). Вместо лирических отступлений – краткие исторические экскурсы. В свою очередь утверждения подразделяются на аксиомы и теоремы. В общем объеме математического знания аксиомы занимают ничтожную долю. В любой математической дисциплине аксиомы неизменны, число же теорем неуклонно возрастает. В то же время существует соблазн модифицирования систем аксиом, и построения в результате новых теорий. Математические истины условны в том смысле, что они привязаны к аксиоматике. Их практическая мощь обнаруживается при удачном проектировании на реальный мир.

Литературные тексты также весьма четко выстроены, структурированы. Так, композиция прозаического произведения предполагает экспозицию, завязку, кульминацию, развязку. В поэзии важны ритм, метр, система созвучий. Правила игры заставляют выдерживать форму.

Об архитектонике (структуре) философских текстов говорить не принято. Поток философствования с трудом укладывается в рамки. Философский трактат напоминает разросшуюся эссе. В нем нелегко отличить личностные переживания от общезначимого опыта. Затруднительно отделить исходные положения от их обоснования. Ассоциативные связи куда сильнее логических. Пафос часто возводит спорное утверждение в ранг постулата. Раны от противоречий залечивает искусная диалектика. Встречающееся упоение абсурдом доходит иной раз до мазохизма.

Повседневный и научный дискурсы себя не выпячивают, подчиняя все целям коммуникации (познания). Напротив, литературный и философский дискурсы стремятся быть на виду. Остановимся подробнее на связи философии и литературы.

Для художественного текста характерна установка на вымысел, условность. С этой точки зрения он представляется системой аксиом. Стратегия подобного текста – продемонстрировать свои художественные достоинства, занимательность. Он себя не навязывает, но исподволь предлагает. Чаще важна не прав-

да, а правдоподобие. Отражение, мимесис – не принцип, а прием. Связь с реальностью довольно опосредованная. Философ же никогда не согласится, что за его словами стоит мир вымышленный. Правда, философский универсум зачастую оказывается еще дальше от жизни, чем мир литературного произведения.

Художественные произведения часто пропитаны философской мыслью. О вечных темах они говорят не менее веско. В литературу мировые проблемы проникают в качестве тем и мотивов, либо под видом определенных структур (хронотоп).

Философский текст бессюжетен, чужд нарративу, ни о чем не *повествует*; но он поляризован некоторой интуицией. В таких условиях на первые роли выходит стиль. Философскому дискурсу не откажешь в яркости. Хотя бывает, что за блеском скрывается нищета, форма превалирует над содержанием. Частенько наблюдается перебор образов и метафор. Философский текст бывает проникнут как патетикой, так и лирикой. Любовь философии к словесности не вполне бескорыстна. Абстрактные идеи подпитываются жизненными соками литературного происхождения. Редкий труд не содержит ссылок на художественные шедевры. Наконец, общей чертой философии и литературы является ориентация на миф.

Как философия, так и литература многое содержат между строк (в подтексте). Содержанию, выражаемому напрямую, противостоят скрытые, глубинные проблемы. Сознание говорит открытым текстом, подсознание выбирает круглые пути. Проблема *смысла* нетривиальна для обоих типов дискурса. В философии им озабочена герменевтика, в литературе – семиотика. Задача обесмысливания лежит на деконструкции.

Претензия на избранность свойственна философии не меньше, чем религии и эзотерике. Но бытие в Боге, в отличие от философской жизни, не сводится к одним лишь текстам. Вера, надежда, любовь содержат слишком много человеческого. Пересаженное на десакрализованную почву Откровение опускается до психологии творчества, эвристики.

Религиозному дискурсу органичен нарратив, о чем свидетельствует факт наличия “Священного писания”, житий. Но глобальная развязка всех религиозных сюжетов вынесена по ту сторону текстов.

Богословие и науку роднит догматичность – приверженность избранным принципам. На этом фоне философия может казаться вольно-мыслием, хотя и не лишенным доктринерства.

Анализ философского текста представляет собой непростую задачу. Его reading должно быть не менее close, чем литературного текста. В анализе все средства хороши. Интерпретация стержневой идеи так же интересна, как поиск скрытых мотивов. Подспорьем здесь может служить и психоанализ. В то же время осмысление – не самоцель. Оно взыскует действия. В этом плане философское понимание бессильно.

Существует ли дисциплина, изучающая философские тексты? Для нее подошло бы название *метафилософия* (сравни с *металингвистикой* Бахтина). Последней суждено метаться между философией и наукой. Дальше всего ей стоит держаться от метафизики, ближе всего – к аналитической философии. В современном языке приставка *мета-* означает не столько *после*, сколько *над*. Захочет ли философия терпеть что-либо над собой, ведь она всегда мечтала быть выше всего? Лингвистический поворот существенно изменил иерархию. Претендующая на роль первой, философия неожиданно оказалась среди равных.

Анатоль Франс высказался как-то в том смысле, что наиболее эффективный способ борьбы с религией состоит в отправке иконы в музей. Возможно, неоднократно декларируемая смерть философии осуществляется как раз в форме превращения философских текстов в объект филологического анализа.